

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Жданко Кирилла Евграфовича на тему «Субъект («Мыслитель») в «возможных мирах» в контексте проблемы сознания», предоставленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки)

Представляемая к защите диссертация Жданко Кирилла Евграфовича «Субъект («Мыслитель») в «возможных мирах» в контексте проблемы сознания» обладает несомненной актуальностью, откликаясь на существенный разрыв современной философии сознания, которым является размежевание между феноменологическим и аналитическим подходом в к осмыслению субъекта. Как отмечает диссертант, намечается все большая потребность в синтезе этих двух подходов, а его успешное осуществление позволит *«преодолеть прежние ограничения и создать целостную картину, учитывающую и интеллектуальные способности, и личностные качества субъекта»* (введение, с. 3 диссертации).

Эта проблема приобретает особую актуальность в условиях междисциплинарного диалога, когда философия сознания вынуждена оперировать категориями интенциональности, переживания и телесности (характерными для т.н. «континентальной традиции») и категориями, производными от модальной логики, теории тождества и семантики возможных миров (разработанными в рамках т.н. «аналитической традиции», противопоставляемой «континентальной»).

Помимо этого, работа обращается к актуальной в современной философии дискуссии о природе интеллектуальных систем, моделировании сознания и возможностях искусственного интеллекта. Автор прямо указывает на прикладное значение исследования: *«Они [результаты осмысления концепции «возможных миров»] также важны для разработки искусственных интеллектуальных систем, помогающих создавать алгоритмы, способные имитировать человеческое мышление и принимать оптимальные решения в сложных ситуациях»* (введение, с. 3). Концепция «возможных миров» здесь выступает как своеобразный инструмент моделирования когнитивных процессов, что приближает философскую рефлексию с задачами современных нейрофизиологических наук, а также наук, изучающих искусственный интеллект.

Следует отметить ключевые положительные стороны диссертационного исследования К. Е. Жданко.

В первую очередь необходимо выделить оригинальную типологию «возможных миров». Автор разработал классификацию «возможных миров»

по критериям происхождения, структуры, отношений с реальным миром, модусов существования и способа создания. Типология систематизирует накопленный в различных философских традициях разнородный материал и создает основание для дальнейших исследований в рамках указанной исследовательской оптики. Обращает на себя внимание и предложенная типология вымысла, которая вытекает из противопоставления «возможных миров» и «вымышленных миров» и показывает их взаимообусловленность. Автор выделяет литературный, междисциплинарный, методологический вымысел и демонстрирует, как каждый из этих типов функционирует в различных дискурсивных практиках.

Второй существенный момент составляет введение автором термина «опосредованная авторефлексия». Указанный термин характеризует процесс развития субъекта и позволяет человеку размышлять о себе через призму «возможного мира», чтобы через эти процедуры лучше понять себя и свои субъектно-объектные отношения с миром (2.1., с. 120-121). Методологически ценным в проведенном анализе является выделение автором возможности двойного толкования этого понятия: в контексте континентальной философии оно направлено на непосредственное переживание сознания и интенциональность, а в контексте аналитической философии связано с логическим анализом языка и психических состояний. Аргументация возможности подобного двойного прочтения термина позволяет продемонстрировать наглядно, каким образом автор намеревается на практике реализовать объединение в единой оптике аналитической и континентальной традиции видения сознания и субъекта.

Следует признать удачным соотнесение концепции интенциональности в феноменологии и представлений о «возможных мирах». Автор показывает, что представления об интенциональности у М. Мерло-Понти представляют собой *«практическое созидание миров через телесный опыт, а «возможные миры» при этом не абстрактные логические структуры, а горизонты опыта, которые открываются в процессе движения, восприятия и символического взаимодействия с миром»* (1.1., с. 19). Логико-семантический аппарат концепции «возможных миров» позволяет моделировать альтернативные сценарии когнитивных процессов, тогда как феноменологический подход обеспечивает понимание непосредственного переживания, лежащего в основе этих процессов.

Помимо этого, автор предлагает оригинальный подход к решению проблемы самопознания субъекта через моделирование «возможных миров». Автор вводит термин «формальная антропология» и определяет его как *«исследование природы человека и эпистемических систем его убеждений на основе модельных миров (по аналогии с модельными множествами в трудах Я. Хинтикки), которые могут быть созданы на базе отдельных*

инструментов модальной логики (2.2., с. 110). Сама концепция опирается на наблюдение о природе человеческого познания, в отношении которого автор отмечает, что мы способны воспринимать окружающую действительность, если у нас есть некий живой ориентир, через коммуникацию с которым и осуществляется непосредственное познание реальности (2.2., с. 111). Это направление исследования открывает перспективы для дальнейшей разработки темы, которая может найти применение в когнитивных науках, теории искусственного интеллекта и философской антропологии.

Таковы, на наш взгляд, научные достоинства диссертационного исследования К. Е. Жданко. Следует при этом отметить наличие существенных недостатков.

Во-первых, необходимо отметить недостаточную с историко-философской точки зрения проработанность спора актуалистов и конкретистов. Анализируя спор этих направлений, автор пишет (введение, с. 9), что предметом их расхождений является статус «возможных миров». Третью точку зрения в споре занимает М. Эпштейн, которого автор представляет гармонизирующей его стороной.

Нам видится, что здесь диссертант упускает возможность явно провести параллель между описываемым им спором и классическим средневековым спором об универсалиях между реалистами и номиналистами. При этом в тексте автор прямо констатирует: *«Крайний номинализм сводит понятие возможного к обозначению существующего мира. В свою очередь крайний реализм, по сути, делает то же самое – возможное понимается лишь как способ взаимодействия между актуальными мирами, другими словами, знаком отстояния друг от друга»* (2.1, с. 97). На наш взгляд, структура описываемой автором дискуссии воспроизводит фундаментальную онтологическую проблематику: актуалисты (как условный «номинализм») отрицают самостоятельное бытие возможного, в то время как конкретисты (как условный «реализм») гипостазиируют возможное в полноценные миры. В этом споре позиция М. Эпштейна может быть приближена к воззрениям концептуализма. Подобное дополнение придало бы работе дополнительной историко-философской глубины и позволило бы показать, что онтологический статус возможного в качестве казалось бы предмета локального спора в философии XX в. – отсылает к фундаментальной проблеме европейской метафизики, споре о статусе реального и его выразимости в словах.

Во-вторых, бросается в глаза отсутствие развернутого анализа влияния «возможных миров» на реальность. Диссертационное исследование тщательно анализирует онтологический статус «возможных» и «вымышленных» миров, их типологию и механизмы порождения. При этом практически не раскрытым остается вопрос практической применимости

концепции. Автор признает, что *«практика создания «возможных миров» в литературе и культуре интеллектуального досуга может рассматриваться нами в качестве акта опосредованной авторефлексии – способа самого человека попытаться объективно взглянуть на себя со стороны»* (2.2, с. 119), но при этом остается неясным, обладают ли «возможные» или «вымышленные» миры весомым статусом только в поле мысленных экспериментов и практик самопознания – или способны выходить за границы человеческого ума и влиять на реальность культуры, деятельности, быта? Те или иные инвенции в создании оригинальных и эвристичных «вымышленных миров», на которые способны, к примеру, писатели-фантасты – как их деятельность, в свою очередь, влияет на работу ученых или философов, кроме чисто эстетического эффекта притяжения тех или иных продуктов художественного вымысла? Во введении автор придает работе прикладное значение, отмечая, что *«изучение субъекта в контексте концепции «возможных миров» имеет значительное прикладное значение. Результаты такого осмысления могут быть использованы в образовательных системах, чтобы лучше понимать природу обучения и принятия решений. Они также важны для разработки искусственных интеллектуальных систем, помогающих создавать алгоритмы, способные имитировать человеческое мышление и принимать оптимальные решения в сложных ситуациях»* (с. 4). На наш взгляд, если концепция «возможных миров» претендует на наличие такого прикладного значения, то анализ механизмов ее явного воздействия на культуру и общество становится необходимым. Идея «опосредованной авторефлексии», вводимая автором, предполагает, что конструирование альтернативных миров изменяет субъекта – но при этом остается неясным, оказывает ли это конструирование влияние на объективную реальность, в которой действует этот субъект.

В-третьих, следует отметить, что содержательно диссертация выглядит неравновесно ввиду непропорционального распределения концептуальной нагрузки между главами. Первая глава («Основные подходы к пониманию сознания») носит реконструктивно-исторический характер: в параграфе 1.1 подробно анализируется феноменологическая концепция интенциональности от Гуссерля через Мерло-Понти до Сартра; в параграфе 1.2 анализируется семантика сознания в аналитической философии (Л. Витгенштейн, К. Гемпель, Г. Райл); в параграфе 1.3 рассматривается философия сознания в контексте теории тождества. В целом, значительная часть первой главы представляет собой изложение известных философских позиций без достаточной концептуальной проработки в русле задач диссертационного исследования. При этом действительно оригинальные теоретические построения автора – типология «возможных миров», концепция «опосредованной авторефлексии», анализ фигуры «Мыслителя» в контексте

модальной и модельной логики – сконцентрированы во второй главе, что создает впечатление дисбаланса между реконструктивной и конструктивной частями работы. Можно предположить, что такая структура обусловлена необходимостью дать предварительный обзор тематики для того, чтобы подготовить читателя к восприятию оригинальных построений автора. На наш взгляд, интегрирование историко-философского материала при этом могло бы быть более органичным и вводиться по мере необходимости для обоснования собственной позиции, не концентрируясь в одной главе.

Указанные недостатки не являются критичными и возможны для исправления в будущих исследованиях. Но вместе с тем следует обратить внимание на несколько существенных вопросов.

1) В исследовании утверждается необходимость синтеза экзистенциально-феноменологического («континентального») и аналитического подходов и констатируется, что *«сегодня все более четко прослеживается потребность в синтезе этих двух подходов, позволяющего рассмотреть, как объективные, так и субъективные характеристики человека»* (введение, с. 3). Вопрос, который возникает в соответствии с этой идеей: **как именно осуществить этот синтез, если за столетие сами представители этих философий не нашли точки соприкосновения?**

2) Автор определяет «Мыслителя» как *«идеальный интеллектуальный субъект, образ, который проецируется в представленный «возможный мир» для его анализа»* (введение, с. 9). При этом «Мыслитель» – это *«абстрактная сущность или структура, которая не связана с конкретными событиями или явлениями»* (2.3, с. 131). Складывается следующий вопрос: **можно ли сказать, что «Мыслитель» – это полая структура, определяемая актом проецирования субъекта? Или мы можем сказать, что «Мыслитель» обладает свойствами, независимыми от создателя «возможного мира»?** Иными словами, каковы онтологические свойства «возможных миров» и их обитателей? Обладают ли они каким-либо автономным бытием внутри пространства «возможного мира», или являются лишь конструктами, репрезентирующими субъект из реального мира в мир «возможный»? Ведь в данном случае возникает потенциальный парадокс, при котором «Мыслитель» в «возможном мире», созданный для реализации возможности получения нового знания о субъекте в мире реальном, полностью определяясь субъектом из реального мира, по сути оказывается рекурсией самого субъекта, отражающегося в «зеркале» «возможного мира» и принимающего это отражение за нечто, не являющееся в полной мере им.

3) Автор использует аналогию, почерпнутую из теории А. Пуанкаре, у которого *«трехмерное пространство также представляется чистой моделью с точки зрения четырехмерного пространства»* (2.3., с. 136). Это наводит на вопрос: **являются ли «возможные миры» более или менее**

размерными, чем мир, из которого мы их строим? Какой мир в конечном счете оказывается моделью – «возможный мир» по отношению к реальному, или наоборот? Если мы будем опираться на воззрения Д. Льюиса, *«который трактует любое возможное положение дел, как нечто тождественное конкретным вселенным, существующим параллельно нашей»* (2.1., с. 91), то реальный мир оказывается одним из бесчисленного множества онтологически равноправных миров, и его претензия на модельный статус становится необоснованной.

4) В исследовании подробно рассматриваются культурные формы «возможных миров» - литература, головоломки, культура интеллектуального досуга. Помимо этого, автор обращается к классическим мысленным экспериментам в философии – «комната Мэри» Ф. Джексона (1.3., с. 69-71) и «философские зомби» Р. Кирка (1.3., с. 71-74). По отношению к этому контексту возникает вопрос: **чем отличается онтологический статус мысленных экспериментов в философии от статуса «возможных миров», созданных в литературе?** Те и другие являются продуктами воображения, помещают «Мыслителя» в противоречащие обыденному опыту условия, но при этом мысленный эксперимент, казалось бы, претендует в большей степени на доказательную силу, в то время, как литературные «возможные миры» - на эстетическую и психологическую достоверность. Если их онтологический статус идентичен, то, возможно, разница между ними заключается лишь во внешнем различии оформления мысли философом или писателем.

5) Автор выделяет два аспекта «Мыслителя»: модальную логику и модельную логику, при этом *«модельная логика связана с применением формальных моделей и алгоритмов, в то время как модальная логика опирается на диалектику возможного и необходимого в сознании»* (введение, с. 10). Далее следует уточнение: *«модельная логика позволяет рассматривать «возможные миры» как абстрактные структуры, а модальная – как совокупность конкретных событий и явлений»* (введение, с. 11). В заключительном параграфе автор отмечает: *«Модальный и модельный «Мыслители» «закольцовывают» диалог между «вымышленными» и «возможными мирами» и показывают постепенный переход генерирующих отношений между ними в конституирующие»* (2.3., с. 134). В связи с этим возникает вопрос: **если модальный и модельный «Мыслители» «закольцовывают» диалог между «вымышленными» и «возможными» мирами, то что именно обеспечивает эту закольцованность?** Наша апелляция к аристотелевскому «аргументу третьего человека» в данном случае инспирирована тем, что без дополнительного комментария остается неясным, чем различение двух «Мыслителей» принципиально отличается от тезиса о том, что абстрактное и конкретное взаимно предполагают друг

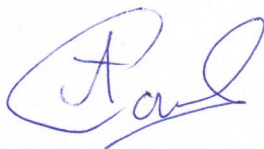
друга.

Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на указанные замечания, работа К. Е. Жданко заслуживает положительной оценки при соответствующей защите.

Основное содержание работы и результаты исследования отражены в публикациях автора, в числе которых присутствуют 3 статьи, опубликованные в научных изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендуемых ВАК. Автореферат диссертации отражает содержание работы и включает выводы, сделанные в исследовании.

Считаю, что диссертационное исследование К. Е. Жданко соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, указанным в пп. 9-11, 13-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842 (в редакции от 16.10.2024 г. № 1382). Автор диссертационного исследования «Субъект («Мыслитель») в «возможных мирах» в контексте проблемы сознания» Жданко Кирилл Евграфович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки).

Официальный оппонент:
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
СФУ

Самарин Андрей Сергеевич

Автор отзыва: кандидат философских наук Самарин Андрей Сергеевич
Место работы: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»
Должность: доцент кафедры философии Гуманитарного института
Адрес: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79.
Тел.: 8(391) 206-22-22. Адрес электронной почты: asamarin@sfu-kras.ru

27 мая 2026 г.

